

29. Там же. Л. 87.
30. Там же. Л. 217.
31. Там же. Л. 224.

Т.П. Хлынина (Майкоп)

ГЕНЕРАТИВНАЯ МЕТАФОРА И ЕЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЙ НАЧАЛА XX В. НА ЮГЕ РОССИИ

Идея междисциплинарности, ставшая для профессиональной историографии по-настоящему серьезным испытанием, породила в среде специалистов весьма обнадеживающие представления о безграничных возможностях методологического синтеза. Творческое заимствование теоретических положений и методов исследования естественных и гуманитарных дисциплин призвано было вывести процесс исторического познания за пределы того сюжетно событийного ряда, в котором оно традиционно находилось. Однако со временем, что наиболее отчетливо стало осознаваться со второй половины минувшего столетия, вопрос об оправданности ее применения и предметных границах гносеологической эклектики перерос в проблему несколько иного порядка, а именно родовой схожести природы заимствованных методов и разрешаемых ими задач. В этой ситуации наиболее прочную родовую близость к истории продемонстрировала лингвистика.

Повествовательная форма существования исторического знания, неизбежно сталкивающаяся с языковой реальностью прошлого, обрекает историю как науку на постоянное взаимодействие с миром слов, их значений и не всегда внятных смыслов. Их раскрытию и переводу на язык современного исследователя времени, собственно, и подчинена ее основная задача. Многотрудность и некоторая безуспешность этого предприятия хорошо известны не одному поколению знатоков прошлого. Тем не менее, посредством различного рода аналитических и интуитивных процедур истории удавалось и, по крайней мере, до сегодняшнего дня удастся не только справляться с поставленной задачей, но и воссоздавать звуки, голоса и запахи минувшего времени. Одним из таких методологических приспособлений «живого восприятия прошлого»

стала уже успевшая себя зарекомендовать генеративная метафора.

Рассматриваемая в качестве одного из основных средств порождения нового знания, генеративная метафора служит своего рода ключом к содержательному постижению исследуемого объекта или процесса. Именно от ее ассоциативного понимания и соответствующего наименования анализируемых явлений зависит их «повествовательный образ». История, сосредоточив свои усилия на поиске точных исчерпывающих определений, значительно сузила собственные познавательные возможности, предопределив, тем самым, некий «когнитивный коридор» возможного развития изучаемых событий. Наглядным тому подтверждением является воссоздание истории революций на Юге России, в течение длительного времени осуществлявшееся в пространстве позитивистской схемы революционных ситуаций. Процессы, происходившие на Тереке, Дону и Кубани и однозначно определяемые как революционные, породили солидное количество всевозможных вопросов «неудобного» свойства. В частности, до сих пор остается не проясненной ситуация с революционной активностью масс, представленных «беднейшей частью казачества и национальным крестьянством», которая по преимуществу замечалась в исторических сочинениях политическими манифестациями «сознательной части общества». Не выяснены и обстоятельства практической неподвижности южных окраин страны в годы первой русской революции 1905–1907 гг. и буквального взрыва «народного негодования» в 1917 г.

Решение вопросов такого рода напрямую оказывается связанным со смещением смысловых акцентов ряда основополагающих понятий, претендующих на постижение глубинного смысла и предназначения революций. Собственно попытки подобного смыслового смещения в историографии рассматриваемой проблемы предпринимались неоднократно. К ним следует отнести понимание революционного процесса в категориях «бессмысленного и беспощадного русского бунта», «народной вольницы», «красной смуты», «коллективных психозов» и «массового безумия». Безусловно, положительным итогом этих изменений является выведение революционного процесса из области осознанной деятельности больших коллективов людей и перемещение его в плоскость отчасти ин-

стинктивного действия, а также возвращение ему частных проявлений на региональном уровне.

Так, в качестве объяснительной модели (генеративной метафоры) революционных событий на Юге России могло бы стать такое понятие как «самоподдерживающаяся неизменность» (Ж. Ле Гофф). С одной стороны, оно проясняет крайне медленные темпы изменений, происходивших в различных областях жизни этнических и сословных групп региона, а с другой – увязывает их с присущим многим из них консерватизмом и патриархальностью. Перенесенное из области средневековой истории, оно отчасти «снимает» такой болезненный для историографии российских революций вопрос как степень внятности происходивших преобразований подавляющему большинству тех, ради кого они изначально и осуществлялись. Вместе с тем, «самоподдерживающаяся неизменность» поможет прояснить и так называемые «откаты» революций, выразившиеся в южных областях России в стремление казачества и большинства горского населения к сохранению прежнего общественного устройства, в длительном сопротивлении новой власти и саботировании ее мероприятий.

Необходимость привнесения в изучение событий российских революций новых образов и вызываемых ими смысловых ассоциаций наглядно подтверждает сложившаяся практика их историографического осмысления. Ее типичным проявлением могла бы послужить история создания расхожих представлений о первой русской революции 1905–1907 гг. и их, по большей своей части, методологической беспомощности в прояснении многих насущных проблем того времени.

О том, что революция 1905–1907 гг. имела всероссийский характер и оказалась «первой народной революцией эпохи империализма», вплоть до недавнего времени было хорошо известно не одному поколению отечественных исследователей. Ее образ «яркой страницы в истории классовой борьбы, нанесшей мощный удар по самодержавию, господству помещиков и капиталистов» [1] нашел свое подтверждение на материалах практически всех «городов и весей» нашей некогда необъятной Родины. Вышедшие за почти вековой период времени многочисленные исследования настойчиво подтверждали некогда высказанную В.И. Лениным мысль о ее буржуазно-демократическом характере – буржуазном по социаль-

ному содержанию и пролетарском по используемым средствам борьбы и руководящей роли рабочего класса.

Конкретизация данного положения потребовала от исследователей тщательно выверенных количественных подсчетов относительно происходивших в тот период времени на территории Северного Кавказа рабочих забастовок, крестьянских и национально-освободительных движений. Их совокупный показатель, как представлялось тогда, убедительно свидетельствовал о росте революционного самосознания трудящихся, разделявших большевистские взгляды и убеждения на природу и конечные цели революции. Однако интерес к ней, как прологу более действенных социально-политических потрясений 1917 г., определялся обстоятельствами далеко не научного свойства и сводился к констатации факта непреложно действовавших в истории законов классовых противоречий, находивших свое окончательное разрешение в революционных взрывах народного негодования.

На сегодняшний день, когда идейное обаяние какой-либо революции уже практически утратило свою притягательность, а историки все чаще начинают говорить о моделях «неподтвержденных ожиданий» в качестве причин ее порождения, возникает потребность в переосмыслении и переоценке многих ключевых положений истории первой российской революции. К ним следует отнести и проблему «революционного запала» национальных окраин империи, получившего в отечественной историографии наименование национально-освободительного движения. В частности, предстоит заново ответить на, казалось бы, давно разрешенные вопросы о том, что представляли собою методы революционной борьбы этих самых трудящихся; являлись ли они по своей производственной сути таковыми; кто из них и по каким мотивам участвовал в митингах и забастовках протеста; кто и с какой целью их организовывал; и, наконец, почему многие из этих окраин в годы первой русской революции оставались фактически неподвижными, а в 1917 г. продемонстрировали весьма высокий всплеск политической активности и относительной самостоятельности в выборе форм своего развития.

Ответы на вопросы подобного рода неизбежно требуют обращения к исследовательскому опыту их разрешения в литературе предшествующего времени. Выделение национально-освободительного движения в качестве самостоятельной

формы классовой борьбы в революции 1905–1907 гг. произошло уже в процессе анализа ее результатов большевистскими лидерами. Обращая в основном внимание на остроту и классовый характер сопротивления трудящихся самодержавию, они, как правило, оперировали предельно обобщенными понятиями и географическими названиями.

Такая обобщенность зачастую приводила к любопытнейшим исследовательским курьезам. Так, В.И. Ленин, описывая организованный характер революционной борьбы трудящихся Кавказа, указывал: «Нас опередили в этом отношении и Кавказ, и Польша, и Прибалтийский край, т.е. именно такие центры, где движение всего дальше ушло от старого террора, где восстание подготовлено всего лучше, где массовый характер пролетарской борьбы всего сильнее и ярче выражен» [2]. Именно это высказывание побудило впоследствии Б.М. Джимова, являвшегося на протяжении 1970–1990-х гг. одним из ведущих историков Адыгеи, на полях работы И.Ф. Мужева оставить карандашную пометку следующего содержания: «Следовательно, у горцев уровень борьбы не ниже, чем у русских» [3].

Мысли этой, оформленной исключительно частным порядком, была суждена долгая и плодотворная профессиональная жизнь: уже к началу 1980-х гг. она обрела все необходимые признаки зрелой концепции и прочно вписывала горское крестьянство Северного Кавказа в революционное содружество с русским пролетариатом. Свое окончательное историографическое признание борьба горских трудящихся получила на страницах «Истории народов Северного Кавказа» – коллективного труда, призванного подвести основные итоги многолетним исследованиям в данном направлении: «Главная особенность революции на Северном Кавказе состояла в том, что борьба рабочих и крестьян в крае сочеталась с национально-освободительным движением, ставшим частью общероссийского революционного процесса... В этом факте нашло свое яркое выражение одно из важнейших прогрессивных последствий присоединения горских народов к России» [4].

Собственно не оспаривая прогрессивности оцениваемого последствия, хотелось бы обратить внимание на явную переоценку отечественными исследователями общности целей у различных представителей революционного движения того времени. Содержание наказов сельских обществ, возросший

процент захвата национальными крестьянами казенных и частновладельческих земель, массовые порубки леса и погромы правительственных учреждений дали повод историкам писать об обострении классовых противоречий в горской среде, о воздействии на нее рабочего движения крупных промышленных центров края и неуклонном росте революционного сознания самих горцев [5]. Однако, рассмотренные под несколько иным углом зрения (типичности или нетипичности в качестве используемых форм борьбы), они могут свидетельствовать и, как правило, свидетельствуют о слабости позиций власти на местах, нежелании или неспособности считаться с результатами привнесенных ею же изменений в уклад жизни традиционных обществ.

Более того, и на это обстоятельство указывали практически все исследователи, «изгнание представителей царских властей, нередко сопровождавшееся погромом правительственных учреждений», вовсе не означало стремления горцев к уничтожению самодержавной власти так таковой, а сводилось лишь к требованию «права избрания своего самоуправления с письмоводством на родном языке» [6]. Данное обстоятельство можно было бы рассматривать и как показатель столкновения российской государственности с догосударственным уровнем самосознания народов региона.

В продолжение обсуждения проблемы «роста революционного сознания горцев» представляется необходимым указать и на практикующуюся до сих пор методику ее выявления. Если ранее она связывалась с содержательным анализом наказов и лозунгов сельских обществ, на основе которого делались выводы о характере и степени классовой зрелости «трудящихся масс», то на сегодняшний день она обрела под собою статистическую основу, позволяющую посредством контент-анализа экстраполировать данные, относящиеся к одним социальным группам, на все общество в целом. Примером тому может служить недавно защищенное диссертационное исследование, непосредственно посвященное развитию Кубанской области и Черноморской губернии в годы первой российской революции. Его автор, проанализировав 149 листовок, выпущенных местными социал-демократическими организациями, пришел к выводу, что 30,9% из них содержат в себе наиболее радикальную информацию («смысловые единицы»), в виде которой выступают лозунги «Да здравствуют воо-

руженное восстание!» и «Да здравствует революция!» [7]. Полученные, таким образом, данные, по заключению автора, служат подтверждением не только революционной настроенности большевистских ячеек, но и населения Кубано-Черноморье в целом.

Интересна и показательна судьба терминологического обозначения событий, происходивших на Северном Кавказе в 1905–1907 гг. В литературе встречаются понятия «первая русская революция», «первая российская революция», «революция 1905–1907 гг.». При этом, вне зависимости от наименования работ, в особенности до начала 1990-х гг., наиболее употребляемыми являлись понятия «Северный Кавказ в период первой русской революции», «революционное движение на Кубани в 1905–1907 гг.» или «Северная Осетия в революции 1905–1907 гг.». Стилистически исследователи нередко описывали изучаемый период времени семантической конструкцией «в годы первой русской революции», тем самым, называя источник революции, а также ее инициаторов. Однако постепенно акцент сместился к всероссийскому масштабу и то, что происходило на Северном Кавказе в 1905–1907 гг. стало рассматриваться (на грамматическом уровне) как проявление первой российской революции. К сожалению, эта стилистическая перемена не отразилась на содержательном анализе проблемы, хотя именно она наиболее точно отражала суть происходивших тогда изменений в жизни народов Северного Кавказа.

В настоящее время проблематика изучения первой российской революции на Северном Кавказе не столь востребована современным исследователем. Причинами тому служат как общий спад интереса к революциям в целом, так и смещение профессиональных интересов историков к вопросам социального и микроисторического свойства. Кроме того, некогда предложенный принцип изучения событий того времени в качестве революционных практически, во всяком случае, на региональном уровне, себя исчерпал. Следствием чего собственно и становится поиск новых генеративных метафор. Одной из них могла бы стать «самоподдерживающаяся неизменность», позволяющая воспринимать революцию в отдельных регионах страны не в качестве процессе необратимых изменений, а как существование традиции в меняющемся мире.

Примечания

1. История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). М., 1988. С.427.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.10. С.99–100.
3. Библиотека АРИГИ: Мужев И.Ф. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900–1914 гг.). Нальчик, 1965. С.33.
4. История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). С.467.
5. Мужев И.Ф. Горцы Северного Кавказа в период империализма (социально-экономический очерк). Нальчик, 1964; Хазбулатов А.И., Бекузаров Х.Х. Освободительное революционное движение 1905–1907 гг. на Северном Кавказе в исторической литературе // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 21–22 сентября 1978 г. Грозный. Грозный, 1978. Вып.1. С.63–75; Сенчакова Л.Т. Из современной историографии крестьянского движения 1905–1907 гг. (по району Северного Кавказа и Дона) // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 21–22 сентября 1978 г. Грозный. Грозный, 1978; Грозный, 1980. Вып.2. С.105–108 и др.
6. Мужев И.Ф. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900–1914 гг.). С.68.
7. Кудинова А.В. Кубанская область и Черноморская губерния в годы первой российской революции 1905–1907 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Краснодар, 2003. С.17.

Е.Ф. Кринко (Майкоп)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕРРОРА И ЕГО ТИПОЛОГИЯ

Террор как способ устрашения и физического истребления политических противников имеет давние традиции, уходящие в далекое прошлое, ибо принуждение и подавление издавна считались важнейшими средствами управления обществом. Существенная роль наказанию, например, отводилось в одном из самых известных политико-правовых памятников Древней Индии – «Законах Ману». Необходимость крайне суровых наказаний обосновывали легисты в Древнем Китае, своей жестокостью прославились многие правители разных стран и различных эпох. Однако осмысление террора в качестве широкомасштабного социально-политического явления, как определенной политики, системы сознательно осуществ-